

УДК 94(470+571)+28+322

ПРОЦЕССЫ РЕИСЛАМИЗАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКОМ ДАГЕСТАНЕ: ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1990-Х ГГ.)*

Ольга Б. Халидова^{а, @, ID1}; Руслан И. Сефербеков^{а, ID2}

^а Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367030, Россия, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 75

@ o.khalidova2011@mail.ru

ID1 <http://orcid.org/0000-0002-3454-9427>

ID2 <http://orcid.org/0000-0002-0901-8499>

Поступила в редакцию 13.06.2018. Принята к печати 28.08.2018.

Ключевые слова:

Дагестан, ислам, исламское возрождение, ваххабизм, дагестанское общество.

Аннотация: В перестроечный и постперестроечный периоды процесс возрождения ислама в Дагестане был связан с процессом политизации религии в обществе. Этот процесс имел свои особенности и был связан с упадком позиций традиционного ислама в республике на фоне трансформации российского общества. Результатом явилась активизация альтернативного нетрадиционного направления, так называемого «нового ислама» (ваххабизм), во многом не характерного для практики местных религиозных сообществ.

Активность адептов нового движения проявила себя не столько в конфессиональной сфере, сколько в социально-политической. Это ярко проявилось в дагестанском обществе в начале 1990-х гг. на фоне социально-экономического и общественно-политического коллапса и противоречий между государством и обществом.

Цель статьи – показать место и роль социального конфликта, возникшего на почве идеологических разногласий. Акторами конфликта выступали отдельные личности со своими религиозными нетрадиционалистскими взглядами и социально-политическими ориентациями, противостоящие официальным структурам в борьбе за доминирующее положение в обществе, где краеугольным камнем стала новая религиозная идея. Авторы статьи опираются на тезис, что разрастание подобного рода конфликта априори оказывает заметное влияние на характер социальных (политических, социально-экономических, национальных) отношений в обществе, примером которого служит раскол Духовного управления мусульман Дагестана по этническому признаку.

Для цитирования: Халидова О. Б., Сефербеков Р. И. Процессы реисламизации в постсоветском Дагестане: проблемы и особенности (первая половина 1990-х гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 64–69. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-64-69>.

Введение

Рост влияния религиозного фактора исторически имеет тенденцию совпадать с переломными этапами общественного развития. Перемены в ранее существовавшем укладе образа жизни и появление нового, как правило, сопровождаются социальными потрясениями и духовным кризисом. В такой ситуации усиление позиции религии является закономерным процессом на фоне роста ожиданий от религиозных организаций.

Заявленный в статье хронологический период являлся этапом глубокой трансформации общества, охватывающей как материальные, так и духовные

стороны жизни. По нашему авторам, свое отражение этот процесс наиболее интенсивно протекал в России: разрушение с конца 1980-х гг. социалистической системы, ее социально-экономических, политических, идеологических основ обусловило появление своеобразного мировоззренческого вакуума. Следствием данного факта явилось расширение ареала влияния и усиление роли религии и религиозных институтов в российском обществе после долгих лет советской антирелигиозной политики. Религия стала играть не только ключевую роль в общественном развитии постсоветской России, но также стала активным актором политического

* Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Антропология дагестанского города: влияние глобализации на трансформацию культуры и быта горожан Дагестана в постсоветский период». Проект № 18-09-00420.

процесса. Так, П. Бергер, определяя публичное место и роль религии в современную эпоху, закономерно связывал ее с процессом *политизации* [1].

Довольно отчетливо и выпукло этот процесс проявил себя на локальном уровне в период реисламизации в постсоветский период в национальных регионах, в частности в Республике Дагестан, где начальная фаза развернувшегося исламского постсоветского дискурса имела в перспективе неожиданные последствия для всего российского сообщества. Исходя из этого в рамках данной статьи авторами ставится цель показать место и роль социального конфликта в дагестанском обществе, возникшего на почве идеологических разногласий, а также умение отдельных личностей посредством религиозных и социально-политических ориентаций использовать его в мобилизационных процессах общества.

Были установлены акторы этих процессов, в частности религиозные нетрадиционалы, противостоящие официальным структурам в борьбе за доминирующее положение в обществе, где краеугольным камнем выступала новая религиозная идея. Мы опираемся на тезис, что разрастание подобного рода конфликта априори оказывает заметное влияние на характер социальных (политических, социально-экономических, национальных) отношений в обществе, примером которого служит раскол Духовного управления мусульман Дагестана (ДУМД) по этническому признаку.

Религиозно-политическое проявление «нового ислама»: состояние и тенденции

Одной из особенностей так называемого «исламского возрождения» постсоветского времени стало не только увеличение числа исламских организаций, но и проявление активности тех, которые ранее были запрещенными или действовали полулегально.

Еще в годы перестройки в республике имелось большое количество незарегистрированных служителей, численность которых достигала 299¹. В их руках была сосредоточена вся религиозно-обрядовая практика. К 1989 г. численность мюридских братств возросла от 5 до 7².

В дальнейшем процессы переходного периода, связанные с расширением международных связей СССР, в том числе и с исламским миром, предоставляли возможность верующим выезжать на учебу в ближневосточные учебные заведения, что позволило глубже проникнуться основами исламской религии. Это в свою очередь привело не только

к лучшей профессиональной подготовленности выпускников этих учебных заведений, но и послужило причиной расхождения в трактовках некоторых канонів исламского вероучения. Появились так называемые активисты исламского социально-политического проекта, требующие перевода всей жизни верующих на принципы ислама, но без священнической «касты жрецов». Для них традиционный ислам и его практики были искаженными, несовременными, малограмотными, а его служители – муллы, имамы и шейхи – эксплуататорами, приверженцами всего отсталого и отжившего среди мусульман [2, с. 111]. По мнению «новых мусульман», такой ислам был не программой правильной жизни человека и общества, а выгодной профессией, паразитированием на невзгодах и страхах людей, перспективным способом заработка. Служители такой веры, по мнению новых исламистов, следуя за отсталостью и предрассудками непродвинутого, превратили религию Истины в нагромождение народных суеверий и иррациональных мистических «знаний» [2, с. 111].

Уже тогда Уполномоченный Совета по Дагестанской АССР С.-А. Б. Девришбеков относил мюридские группы к течениям экстремистского толка. Он отмечал, что подобные группировки представляют определенную опасность, поскольку пытаются навязать верующим свою волю и составить сильную оппозицию не только зарегистрированным служителям культа, но и активу зарегистрированных мечетей³. В республике имелось примерно 2000 мюридов в 13 районах. В обществе шел процесс ферментации. Происходили случаи самовольного захвата мечетей⁴.

Однако официальные круги первоначально не замечали никакой угрозы в начавшемся процессе реисламизации Дагестана, поскольку все это происходило в недрах общества и не затрагивало власть [3, с. 51]. На фоне активного развития событий на мусульманском Востоке весьма заметным становился дефицит внимания российского руководства к исламу в стране. Российские исламоведы отмечали оттягивание выработки стратегии и тактики этого направления российскими политиками и предсказывали, что недоучет исламского фактора в будущем мог неизбежно привести к самым непредсказуемым последствиям [4, с. 1].

И даже первая конфликтная ситуация при активном участии салафитов в мае 1989 г. в Дагестанской АССР не вызвала должного внимания со стороны советского руководства⁵. Высказываясь

¹ Центральный Государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. р-1234. Оп. 5. Д. 14. Л. 51–52.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-661. Оп. 1. Д. 12. Л. 22.

³ ГАРФ. Ф. А-661. Оп. 1. Д. 12. Л. 3.

⁴ ГАРФ. Ф. А-661. Оп. 1. Д. 12. Л. 8.

⁵ ГАРФ. Ф. А-661. Оп. 1. Д. 12. Л. 36.

о причинах, которые вызывали нездоровые настроения в обществе, Председатель Совета Министров по делам религий Л. Ф. Колесников указал лишь на формальный, бюрократический подход должностных лиц республики при рассмотрении писем, жалоб и заявлений верующих⁶.

Однако ситуация была показательной. В результате был смещен муфтий. В Дагестане образовался свой ДУМД, главой которого в начале 1990 г. был избран кумык Б. Исаев. Это означало, что в обществе назрели проблемы, которые требовали безотлагательного разрешения. Созрели все предпосылки для начала выстраивания новой модели взаимоотношений власти с исламом. Несмотря на это, власти ограничились лишь введением в действие Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» (октябрь 1990 г.) и Закона РД «О свободе совести и религиозных организаций» (1991).

«Яблоко раздора»: попытки этнической монополизации ДУМД

Последовавший кризис в стране, повлекший за собой социально-экономические и политические преобразования, закономерно нашел отражение в духовной сфере общества. Глубокое социальное расслоение общества, миграционные процессы среди сельского населения, рост количества безработных, инфляция и ряд других факторов способствовали дестабилизации общества. Подтверждением являются события в городах республики: Махачкале, Буйнакске, Кизилюрте, Хасавюрте, в которых проходили митинги, собрания верующих (и неверующих) с требованиями решения экономических, социальных, территориальных и религиозных вопросов. В частности прозвучали просьбы о регистрации религиозных обществ, отведения земельных участков под строительство зданий мечетей и возвращения верующим бывших культовых помещений и т. д.⁷.

Своего рода защитной реакцией на кардинальные перемены в обществе явилось появление ряда исламских партий и движений, в программных документах которых были обозначены тезисы политического характера⁸. Основной целью вновь образованных политических структур было сохранение и укрепление этнорелигиозной идентичности народов Дагестана на фоне происходящих трансформационных, с одной стороны, и глобализационных, с другой, процессов. Однако на деле вынашивались планы по созданию конфедерации исламских республик Кавказа, перестройки общественного строя и законодательства Дагестана

на основе шариата. На ислам возлагались надежды как на средство политического освобождения и национального самоопределения советских мусульман в республике, тем более что к подобного рода перестройке общественное сознание было подготовлено.

Кроме того, распад Советского Союза, падение однопартийной системы, рост национального самосознания и множество других социальных факторов обусловили нарушение существовавшего баланса в политическом пространстве республики, в котором ключевые позиции во властных структурах занимали аварцы, кумыки (Компартия и ДУМД) и даргинцы (Верховный Совет республики). Складывались предпосылки для будущей борьбы за национальное лидерство в социально-политической системе, прежде всего в ДУМД. Это очень ярко проявилось в период проведения первого съезда мусульман Дагестана. В результате соперничества между аварцами и кумыками, где желанием дагестанских властей в лице заместителя председателя Совета Министров Республики Дагестана и главного куратора религиозных вопросов Хапсат Гамзатовой, стало избрание 27 января 1990 г. на пост муфтия кумыка Багаутдина Исаева [5, с. 13–14].

Однако была еще одна подоплека этого конфликта – экономическая. Контроль над ДУМД, к которому стремились лидеры, открывал доступ к огромным денежным ресурсам, прежде всего к доходам от организации хаджа. Предтечей этой конкуренции стала ситуация, связанная с обстановкой вокруг хаджа, приобретшая широкий резонанс в республике и свидетельствовавшая о попытке государственного переворота группой верующих во главе с последователем ваххабизма Х. Хасбулатовым⁹.

Беспрецедентная ситуация с организацией хаджа ярко сигнализировала о наличии глубокого кризиса в самом обществе и, соответственно, во властной структуре. Об отсутствии четкой позиции во взаимодействии власти с религиозными структурами свидетельствовала готовность официальной власти в противоречии с Конституцией и Трудовым кодексом пойти на уступки, объявив пятницу нерабочим днем в республике. При этом следует иметь в виду, что республиканская власть поддерживала ДУМД в противовес представителям неофициального ислама (в данном контексте салафиты). Религиозный конфликт выразился в требовании митингующих образовать на территории Дагестана мусульманскую республику и водружении над зданием Верховного Совета республики исламского знамени. Подобный демарш являлся подтверждением нежелания лидеров

⁶ ГАРФ. Ф. А-661. Оп. 1. Д. 12. Л. 8.

⁷ ЦГА РД. Ф. р-1586. Оп. 1. Д. 9. Л. 10.

⁸ ЦГА РД. Ф. р-1585. Оп. 2. Д. 11. Л. 1, 2, 4, 6.

⁹ Правда о хадже // Дагестанская правда. 1991. 2 августа. Л. 1.

неофициального ислама вступать в диалог с официальной властью, а стремлением к кардинальному перевороту всего общественного устройства республики. Будущее предполагалось обличить новыми религиозными идеями т. н. «новой исламизации», на тот момент «не характерной для образа жизни местных религиозных сообществ и их представлений о порядке мироустройства» [6, с. 83].

Таким образом, дезинтеграционные процессы в обществе и активное участие религиозных лидеров т. н. «нового ислама» в политической жизни республики позволили воспринять это как призыв перенять «пальму первенства» у государства в установлении своей религиозной идеи и захватить контроль над ДУМД. Результатом конфликтов стали межэтнические расколы, послужившие причиной появления сразу нескольких конфликтующих между собой мусульманских структур, в том числе и в самом ДУМД. Первым сигналом послужило проведение конференции в п. Тарки в октябре 1991 г. Прозвучали заявления о попытках ущемления прав кумыкского народа в лице муфтия Б. Исаева со стороны председателя и большинства членов Совета алимов ДУМД – аварцев по национальности – и стремления образовать кумыкский ДУМД. Большинство из выступавших на конференции отвергли эту идею, сославшись на аяты из Корана. Ситуация обострилась в конце января 1992 г., когда появились разногласия между Председателем Совета алимов ДУМД Магомедхаджи Алиевым (аварцем по национальности) и муфтием Багаутдинхаджи Исаевым. Причиной конфликта стал отказ муфтия отчитаться за проделанную работу в 1991 г. перед Советом алимов. Разногласия по данной ситуации приняли резонансный характер, которые стали отправной точкой для раскола ДУМД на оппозиционные этнические муфтияты.

В результате в республике оказались действующими три Духовных управления – ДУМД, Кумыкское Духовное управление (КДУМД) и Духовное возрождение лакского народа. Попытки объединить ДУМД и КДУМД в феврале 1993 г. были сорваны руководителями ДУМД вместе с депутатом Верховного Совета Г. Н. Махачевым. В апреле 1993 г. в результате созыва съезда мусульман даргинского народа стало утверждение устава ДУМД (даргинское)

и избрание муфтием Абдуллахаджи Алигаджиева, внука шейха Алигаджи Акушинского. В этом же был созван съезд мусульман Южного Дагестана, где избран муфтием имам мечети г. Дагестанские Огни Мовледин. Только 8 сентября 1994 г. на совещании под руководством С. Д. Амирова было достигнуто принципиальное соглашение об объединении всех ДУМДов в одно и назначение остальных муфтиев заместителями вновь избранного самими же муфтиями единого муфтия ДУМД¹⁰.

С этого времени исламские институты все активнее начали вовлекаться в общественно-политическую жизнь Дагестана, постепенно превращаясь в серьезного политического игрока и пытаясь влиять на принятие политических решений руководством республики. Такая тенденция, к сожалению, проявилась и в выборах в Народное собрание Дагестана 2016 г.

Заключение

Таким образом, процесс реисламизации на Северном Кавказе, в том числе и в Дагестане, неизбежно привел к политизации ислама, в недрах которого неуклонно разрасталось радикальное исламское движение. Постсоветский исламский феномен был вызван целым комплексом причин, корни в большинстве случаев кроются в латентных и явных социальных, экономических и политических недугах, а не в патологии психологических качеств отдельных людей [7, с. 234].

Однако как недооценка исламского фактора советским руководством страны с отсутствием четкой государственной идеологии светского типа, которая учитывала бы интересы верующих и неверующих, так и лояльность в деятельности республиканской власти в самом начале 1990-х гг. привели к ошибкам, имеющим необратимые последствия для республики. Попытка республиканских властей разрешить эту проблему не увенчалась успехом, а лишь «сгладила» ситуацию. С другой стороны, повышение национального самосознания у дагестанских народов стало одной из причин кризиса духовного управления мусульман. Междоусобные склоки и неэффективная борьба со своими оппонентами привели к политизации духовного управления, отдалив его от верующих и лишив своего авторитета.

Литература

1. Berger P. Religious Pluralism for a Pluralist Age // Culture & Society. 2005. April 25. Режим доступа: <http://www.project-syndicate.org/commentary/religious-pluralism-for-a-pluralist-age> (дата обращения: 14.02.2018).
2. Кисриев Э. Ф. Ислам и социальные конфликты на Северном Кавказе // Религия и конфликт / под общ. ред. А. В. Малашенко, С. Б. Филатова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСППЭН), 2007. С. 107–129.

¹⁰ ЦГА РД. Ф. р-1585. Оп. 2. Д. 11. Л. 1–3.

3. Кисриев Э. Ф. Ислам и власть в Дагестане / отв. ред. А. В. Малащенко. М.: ОГИ, 2004. 224 с.
4. Малащенко А. В. Россия и ислам. Гром уже грянул. Успеет ли перекреститься? // Независимая газета. 1992. 22 февраля.
5. Мацузато К., Ибрагимов М.-Р. Тарикат, этничность и политика в Дагестане // Этнографическое обозрение. 2006. № 2. С. 10–23.
6. Буттаева А. Ислам в поликонфессиональном пространстве современного Дагестана // Центральная Азия и Кавказ. 2012. Т. 15. № 1. С. 79–92.
7. Шахбанова М. М. Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. Махачкала: АЛЕФ, 2016. 385 с.

THE ISSUES OF REISLAMIZATION IN POST-SOVIET DAGESTAN IN 1990–1995*

Olga B. Khalidova^{a, @, ID1}; **Ruslan I. Seferbekov**^{a, ID2}

^a *Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 75, Yaragsky St., Makhachkala, Russia, 367030*

@ *o.khalidova2011@mail.ru*

ID1 *<http://orcid.org/0000-0002-3454-9427>*

ID2 *<http://orcid.org/0000-0002-0901-8499>*

Received 13.06.2018. Accepted 28.08.2018.

Keywords: Dagestan, Islam, Islamic revival, Wahhabism, Dagestan society.

Abstract: The process of the Islam revival in Dagestan was associated with the politicization of religion in society during perestroika and post-perestroika periods. The process had its own peculiarities associated with the general transformation of Russian society, active work of international organizations, and the decline of traditional Islam in the republic. As a result, there appeared alternative and unconventional directions in the process of revival of the Islamic component, e. g. the so-called "new Islam" (Wahhabism), foreign to local religious communities. The activity of the adherents of the new movement showed itself not so much in the confessional sphere as in the socio-political sphere. This was clearly manifested in Dagestan society in the early 1990s against the backdrop of the socio-economic and socio-political collapse and contradictions between the state and society. The research investigates the place and role of the social conflict that arose on the basis of ideological differences. The actors of the conflict were individuals with their religious non-traditional views and socio-political orientations, who opposed official structures in the struggle for domination in the society, desperately searching for a new religious idea. The authors proceed from the thesis that the escalation of this kind of conflict has a significant impact on the nature of social (political, socio-economic, national) relations in any society, the way it happened when the Spiritual Administration of Muslims of Dagestan split according to ethnicity.

For citation: Khalidova O. B., Seferbekov R. I. Protsessy reislamizatsii v postsovetском Dagestane: problemy i osobennosti (pervaya polovina 1990-kh gg.) [The Issues of Reislamization in Post-Soviet Dagestan in 1990–1995]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2018): 64–69. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-64-69>.

References

1. Berger P. Religious Pluralism for a Pluralist Age. *Culture & Society*. 2005. April 25. Available at: <http://www.project-syndicate.org/commentary/religious-pluralism-for-a-pluralist-age> (accessed 14.02.2018).
2. Kisriev E. F. Islam i sotsial'nye konflikty na Severnom Kavkaze [Islam and social conflicts in the North Caucasus]. *Religiia i konflikt* [Religion and Conflict]. Eds. Malashenko A. V., Filatov S. B. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSPPEN), 2007: 107–129.

* The publication is supported by the Russian Federation for Basic Research, project No. 18-09-00420 "Anthropology of the Dagestan city: the impact of globalization on the transformation of culture and life of Dagestan city-dwellers in the post-Soviet period".

3. Kisriev E. F. *Islam i vlast' v Dagestane* [Islam and power in Dagestan]. Ed. Malashenko A. V. Moscow: OGI, 2004, 224.
4. Malashenko A. V. Rossiia i islam. Grom uzhe grianul. Uspeem li perekrestit'sia? [Russia and Islam. The thunder had already burst. Will we have time to cross ourselves?]. *Nezavisimaia gazeta = Independent newspaper*, 1992, February 22.
5. Matsuzato K., Ibragimov M.-R. Tarikat, etnichnost' i politika v Dagestane [Tarikat, ethnicity and politics in Dagestan]. *Ehtnograficheskoe obozrenie = Ethnographical review*, no. 2 (2006): 10–23.
6. Buttaeva A. Islam v polikonfessional'nom prostranstve sovremennogo Dagestana [Islam in the multiconfessional space of modern Dagestan]. *Central'naia Aziia i Kavkaz = Central Asia and the Caucasus*, 15, no. 1 (2012): 79–92.
7. Shakhbanova M. M. *Etnicheskaiia, religioznaia i gosudarstvenno-grazhdanskaia identichnosti dagestanskikh narodov v usloviakh transformatsii rossiiskogo obshchestva* [Ethnic, religious and state-civic identity of the Dagestan peoples in the context of the transformation of Russian society]. Makhachkala: ALEF, 2016, 385.